

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ И УГОЛОВНОГО ПРАВА В АСПЕКТЕ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

© 2002 г. Л. В. Алексеева

*Канд. психол. наук, доцент кафедры общей и социальной психологии
Тюменского государственного университета*

На примере судебно-психологической экспертологии подчеркиваются: важность научной автономности юридической психологии, выражающейся в ее возможности обогащения общепсихологической теории; корректность использования ее разработок в правоприменительной и законотворческой деятельности. Предлагается понимание механизма эмоциональной регуляции и анализируются статьи прежнего и нового Уголовного кодексов, связанные с “эмоциональными преступлениями”. Проводится анализ соотношения правовых, общепсихологических и экспертно-психологических понятий “сильное и внезапно возникшее сильное душевное волнение”, “аффект”, “эмоциональное состояние”, “юридически значимое эмоциональное состояние”; выделяется понятие “юридически значимая способность”. Сделаны выводы о том, что “юридически значимое эмоциональное состояние” является предельно обобщенным понятием судебно-психологической экспертологии и что в разном законодательном контексте оно имеет особый набор существенных признаков.

Ключевые слова: психолого-правовой контекст, теория юридической психологии, судебно-психологическая экспертология, аффект, юридически значимые эмоциональные состояния.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Данная статья посвящена обсуждению предположений и последствий усиления автономного научного статуса юридической психологии, которое необходимо ей на современном этапе для адекватного взаимодействия с общей психологией, правом и другими науками. Если возникновение юридической психологии было обусловлено запросами права, т.е. прикладной проблематикой, то сегодня она в равной мере должна развиваться и в прикладном, и в фундаментальном аспектах.

Рассматривая проблему научной автономности юридической психологии, необходимо обсудить соотношение общей психологии, юридической психологии и уголовного права, поставив для решения ряд задач: дифференцирование предмета исследования; разработку собственного категориального аппарата; разработку новых понятий, необходимых для практики судопроизводства; обогащение юридической психологией общепсихологической теории. Их решение актуально в первую очередь в области судебно-психологической экспертологии, в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации, действующего с 1997 г.

Непроработанность взаимоотношений теорий психологии и права в судебно-психологической экспертизе, разнообразные интерпретации в литературе предмета и задач различных видов судебно-психологических экспертиз, проистекающие из законодательных нововведений, неразработанность методологии, отсутствие унификации

и стандартизации экспертных подходов существенно осложняют деятельность как экспертов-психологов, так и судебно-следственных органов, а теоретическая неразработанность психологических феноменов, значимых для уголовного права, влияет на адекватность создаваемых законов. Например, лишь отсутствием междисциплинарного соотношения правовых, психологических и психиатрических знаний можно объяснить несоответствие между статьями 20 ч.3 и 22 ч.1 УК РФ: по их нормам, если несовершеннолетний, достигший возраста уголовной ответственности, но отстающий в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного действия *не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий)*, либо руководить ими, то он не подлежит уголовной ответственности (ст. 20 ч.3), а вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства проявило указанный “феномен неполноты”, подлежит уголовной ответственности (ст. 22 ч.1).

2. НАУЧНАЯ АВТОНОМНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Если говорить о психологической теории в контексте юридической психологии, то достаточно ли для обоснования ее положений общепсихологических понятий? А.Р. Ратинов, стоявший у истоков развития отечественной юридической

психологии, писал, что потребность правовой теории в психологических знаниях “вынуждала юристов в научных исследованиях прибегать к указаниям общей психологии, которые прилагались и приспособлялись к решению правовых вопросов, либо к самостоятельному психологическому изучению и обобщению следственной и судебной практики и разработке на этой основе психологических рекомендаций” [29, с. 9–10]. Современное положение дел показывает, что разработки *общей* психологии отличаются от разработок психологии *юридической*, но совсем не потому, что первая – наука фундаментальная, а вторая – прикладная. Есть более веские основания для такого отличия, поскольку у этих наук различны не только предмет, но и объект исследования: кроме общих закономерностей в функционировании психики, изучаются и специфические. Г.М. Минковский справедливо отмечал во введении к [35], что юридическая психология, как и любая другая отрасль психологии, имеет собственное обширное “теоретическое поле”. “Ведь необходима методология интерпретации, детализации, дополнения общепсихологических знаний в специфических областях человеческого поведения. Более того, ряд закономерностей такого поведения, несмотря на достаточно высокий уровень обобщения, общую психологию просто не интересуют” [35, с. 7].

Развитие фундаментального аспекта юридической психологии должно проявляться двояко. Во-первых, путем развертывания теоретических исследований, которые способствуют укреплению научной полноценности юридической психологии и решению ею прикладных задач. Во-вторых, акцентированием проблем взаимоотношения психологии и уголовного права в области не только правоприменения, но и законотворчества [11, 35, 36]. Наиболее тесно междисциплинарное взаимодействие осуществляется в области судебно-психологической экспертологии, и свой анализ мы проведем в ее русле.

3. ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Определяя цель и задачи судебно-психологической экспертизы (СПЭ), надо учитывать, что эксперт-психолог (как юридический психолог) и психолог-исследователь имеют в виду разные объект и предмет исследования. Актуальность конструирования и развития системы необходимых понятий СПЭ, возможные способы адаптации общепсихологических понятий на уровне СПЭ рассматриваются О.Д. Ситковской [37]. В исследовании Ф.С. Сафуанова обсуждается специфичность экспертного судебно-психологического понятия “аффект”; автор считает, что экспертные понятия “занимают промежуточное положение между общепсихологическими представлениями и

юридическими терминами и не могут быть прямо заимствованы из теории психологии” [33, с. 23].

На наш взгляд, *объектом* исследования эксперта является не *вообще* функционирование психики подэкспертного, он должен изучать психологические механизмы поведения человека в конкретной юридически значимой ситуации [19]. Ситуационное функционирование психики как объекта исследования подчеркивается рядом исследователей в отношении психологических, психиатрических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз [22, 24, 31, 39].

В теоретическом плане, во-первых, необходимо четкое разведение предмета исследования разных видов экспертиз, исследующих психику (ошибки в рекомендации проведения адекватного вида экспертиз встречаются даже на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации [23]); во-вторых, разграничение предметов экспертиз с предметом права, чтобы специалисты могли четко понимать границы своей компетентности; в-третьих, конструирование формулировок надо осуществлять в идентичном категориальном контексте, с учетом не только процессуальной дополнительности, но и недопущения редукции предмета исследования. И тогда окажется, что *предметом*:

– *судебно-психологического экспертного исследования должны быть юридически значимые психические феномены: механизмы и закономерности функционирования психики, приводящие к конкретным правовым последствиям;*

– *судебно-психиатрической экспертизы – психические расстройства, приводящие к конкретным правовым последствиям;*

– *комплексной психолого-психиатрической экспертизы – психические расстройства, детерминирующие механизмы функционирования психики, приводящие к конкретным правовым последствиям.*

Если же руководствоваться законом, то оценка исследуемой личности, ее состояний, действий и их последствий, всей системы представленных доказательств, установленных на предварительном следствии, относится к *предмету* правосудия.

Исходя из вышесказанного, ясно, что вопрос о состоянии аффекта (ст. 107 и 113 УК РФ) у обвиняемого не соответствует предмету ни комплексной психолого-психиатрической экспертизы, ни, тем более, судебно-психиатрической экспертизы (что встречается на практике); как психологический феномен, он является предметом судебно-психологического экспертного исследования.

Экспертиза лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости (ст. 22 УК РФ), или несовершеннолетних с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством (ч. 3. ст. 20 УК РФ), производится

комплексно, с привлечением психиатров и психологов. Познания психологов необходимы, чтобы диагностировать *меру полноты* проявления способности лица к осознанно волевому поведению, а познания психиатров нужны, чтобы решить вопрос о влиянии или его отсутствии на эту способность психического расстройства. Впрочем, возможен другой путь: проведение однородных экспертиз, вначале (по традиции) судебно-психиатрической, а затем судебно-психологической.

В современных условиях не потеряло актуальности первое руководство по судебно-психологической экспертизе М.М. Коченова, где разъяснялись задачи и функции СПЭ, а также принципы ее проведения. «Понимание задач и функций СПЭ на любом этапе ее развития определялось содержанием законодательства, в условиях которого она осуществлялась, методологическими принципами правовой науки и различных психологических школ и направлений» [19, с. 6]. Несомненно, юридическая психология является таким направлением. Не вызывает сомнений и то, что эксперт-психолог как представитель психологической науки должен не только ограничиться рамками ее предмета, но и вычленил для изучения юридически значимый психологический феномен, проявляющийся в конкретной ситуации правонарушения. Ответы на вопросы типа: «Могло ли данное лицо в исследуемой ситуации убить, оклеветать, брать взятки и т.п.»; «Находилось ли оно в состоянии, предрасполагающем к самоубийству?»; «Находилось ли оно в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения?», относятся к предмету правосудия, — несмотря на то, что являются примерами из экспертной практики. Если они сформулированы подобным образом, то перед СПЭ поставлены быть не могут.

Неправомерно также обращать вопрос к психологу-эксперту о соответствии несовершеннолетнего обвиняемого своему календарному возрасту в том случае, когда, согласно его документам, этот возраст известен. На это есть юридические и экспертно-психологические причины. В связи с содержанием законодательства, при назначении наказания несовершеннолетнему, согласно п. 1 ст. 89 УК РФ «учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития». «Категория *фактического возраста* не основана на действующем законе» [40, с. 28], поэтому неправомерно с ним связывать уровень психического развития. Понятие «возраст» в УК РФ не делится на виды, например, календарный, фактический, психологический. Добавим к этому, что руководствуясь экспертно-психологическими принципами, ответ о несоответствии возрасту не объясняет конкретных психологических возможностей личности и их проявление в исследуемой криминальной ситуации. Таким образом, если в уголовном

производстве возникает подозрение на задержку или отставание в развитии, а принцип субъективного вменения требует, чтобы субъект преступления был способен осознать общественную опасность своих действий и мог ими руководить, необходимо устанавливать именно данный факт: способен — не способен (согласно ст. 21 УК РФ), либо меру проявления этих способностей (согласно ч. 3 ст. 20, ч. 1 ст. 22 УК РФ). И в первом, и во втором случае исследуемый феномен (способность) входит в область компетенции эксперта-психолога, хотя в первом случае по традиции изучается только экспертами-психиатрами.

Итак, можно выделить одинаковые термины, которые отражают понятия, имеющие разное содержание: общепсихологическое, юридическое и судебно-психологическое. Например, «способность осознать общественную опасность своих действий и руководить ими во время совершения общественно опасного деяния» относится к общим признакам субъекта преступления, т.е. это юридическое понятие. В уголовном праве используется понятие «способность» при определении преступного поведения, содержания вины, невменяемости, беспомощного состояния; с помощью понятия «способность» характеризуются возможности обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Поэтому судебно-психологическое экспертное исследование должно устанавливать не любые или все (в общепсихологическом значении) способности подэкспертного, а только юридически значимые. Среди них способности: оказывать противодействие (сопротивление), лидировать в группе, осуществлять особое психологическое воздействие на окружающих, правильно понимать действительность, воспроизводить произошедшие события, осознать себя и значение своих действий, руководить своими действиями и т.д.

4. РАЗРАБОТКА СОБСТВЕННОГО КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА

Одной из важных теоретических проблем юридической психологии является разработка ее категориального аппарата, которая включает дифференцирование общепсихологических и юридических понятий, а также разработку новых понятий, необходимых для практики судопроизводства.

Нетождественность категорий юридической психологии общепсихологическим связана с особенностью объекта и предмета исследования. Специфическое наполнение понятия возникает при наложении на психологическую реальность законодательного контекста. Именно этим обусловлена разработка понятий «юридически значимые эмоциональные состояния», «юридически значимые способности», «социальные субъектные способности, имеющие юридическое значение» [1, 2, 4].

Обратимся к содержанию законодательства и на примере эмоциональных состояний, актуальных для уголовного права, проанализируем основания для судебно-психологического экспертного исследования. Чтобы обнаружить юридическую значимость эмоциональных состояний, необходимо очертить границы психического феномена “эмоциональное переживание, состояние” и рассмотреть его через призму законодательной базы.

В прежнем Уголовном кодексе были статьи, в которых указывалось на сильное и внезапно возникшее сильное душевное волнение. Новое уголовное законодательство с заменой статей 38, 104 и 110 УК РСФСР на статьи 61, 107 и 113 УК РФ претерпело существенные изменения. Из правового категориального аппарата было изъято понятие “сильное душевное волнение” (см.: ст. 61 “Обстоятельства, смягчающие наказание”) и введено понятие “аффект” – в названиях статей 107 “Убийство, совершенное в состоянии аффекта” и 113 “Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта”. В формулировках статей указывается на преступление, “совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)” и перечисляются его квалифицирующие признаки: указанное состояние должно быть вызвано противоправными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. И еще один признак: в части статьи, где отмечаются признаки конкретного преступления в отличие от ст. 107 с формулировкой “убийство, совершенное в состоянии...” [14, с. 240], в ст. 113 формулируется “умышленное причинение” [14, с. 261].

Вначале остановимся на обсуждении нескольких вариантов понимания нововведения – содержания понятия “аффект”. Хотя этот вопрос нашел отражение в специальной публикации [33], он требует анализа в русле обобщенного рассмотрения юридически значимых эмоциональных переживаний:

А. Аффект, вызванный противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, стал *юридическим* понятием. Но в таком случае его нельзя использовать в краткой формулировке “аффект”, поскольку тогда юридическое понятие неадекватно отождествится с психологическим. Отметим также, что при использовании в уголовном праве и в общей психологии идентичных терминов, таких, как “личность”, “воля”, “мотив”, “цель”, “действие”, “психическое отношение” и др., различается их содержание. Например, волевой признак субъекта преступления в уголовном праве не тождественен понятию о психологическом проявлении у

субъекта воли, хотя провоцирует у психолога такое понимание. В то же время, когда юрист и психолог оперируют понятием “внезапно возникшее сильное душевное волнение” и “аффект”, они понимают: первое наполнено юридическим значением, а второе лишь психологическим или, в лучшем случае, экспертологическим – и путаницы не возникает.

Б. Аффект как однозначное *психологическое* и *экспертологическое* понятие используется для усиления психологизации законодательства (что приводит к конкретизации феномена) и предельного сужения юридического понятия “внезапно возникшее сильное душевное волнение” до одного психологического состояния. Подтверждение этому мы находим в работе О.Д. Ситковской. “Конечно, сама терминология, традиционно использованная десятки лет, не является оптимальной. Понятие “сильное душевное волнение” призвано обозначить одно из временных особых психических состояний субъекта, поэтому оно должно соответствовать *принятой психологической терминологии* (выделено мною. – Л.А.). Использованное же в УК 1960 г. понятие фактически носило оценочный, нестрогий характер. Адекватным здесь представляется использование понятия аффект, как это сделано в ст. 107 и 113 УК 1996 г.” [36, с. 77].

Указанная позиция в данном случае соответствует не дифференциации юридических, экспертно-психологических и общепсихологических понятий, а интеграции, что может приводить к их смешению. Поэтому и критика юридического понятия “сильное душевное волнение” именно с психологической точки зрения нам представляется неправомерной. Отмеченные слабые характеристики этого неконкретного с психологической точки зрения понятия выражают сильную сторону понятия юридического: неконкретность вида эмоционального состояния, строгий набор признаков, выражающих оценку состояния и т.д., что важно для предмета права и адекватно его подходу, в отличие от психологического, носящему формальный характер.

Приравнивание юридического понятия “внезапно возникшее сильное душевное волнение” к психологическому понятию “аффект” может привести не только к “размытости” категориального аппарата трех наук: юриспруденции, психологии, юридической психологии. Получается, что экспертное заключение о юридической значимости эмоционального состояния в отношении к указанным статьям становится просто излишним, поскольку эксперт “заперт” законодательством в рамках понятия “аффект”.

Проблематичность сложившейся ситуации заключается в том, что в анализируемых статьях УК РФ такой признак, как совершение преступ-

ления в эмоциональном состоянии, сужающем сознание, не относится законодательно ни к квалифицирующим признакам, ни к обстоятельствам, смягчающим наказание. Преступления, совершенные под влиянием таких состояний, юридически должны квалифицироваться безальтернативно как опасные. Ориентируясь на аффект, законодатели, поступая последовательно, вообще исключили "это эмоциональное состояние из перечня смягчающих обстоятельств, указав лишь на противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления" [36, с. 77–78].

Таким образом, складывается следующее впечатление от использования психологических знаний в уголовном законодательстве: на вооружение берутся современные разработки и терминология, но правовые и психологические понятия не дифференцируются, не используются системные знания. Как же эксперту-психологу работать в соответствии со статьями 107 и 113 нового УК, чтобы адекватно "понимать задачи и функции СПЭ на современном этапе ее развития"? Один из подходов можно обнаружить при более глубоком анализе содержания понятия "аффект".

В. В судебно-психологической литературе встречается понимание аффекта как понятия, объединяющего сильные и глубокие эмоциональные состояния [32]. У этой позиции есть слабые и сильные стороны. Если расширительно трактовать "аффект" как психологическое понятие, то придется, на наш взгляд, возвращаться к тем временам, когда в психологии оно использовалось обобщенно и не дифференцировано, например, при представлении о структуре психики как "интеллект-аффект-воля". Если же расширительно трактовать его как *судебно-психологическую экспертную категорию* [33], характеризующую тем, что *аффект оказывает существенное влияние на сознание и поведение*, то пропадает смысл нововведения. Такая трактовка – это попытка возвращения к варианту статей УК 1960 г., когда ряд эмоциональных состояний подпадал под понятие "сильное душевное волнение" или "внезапно возникшее сильное душевное волнение". Ф.С. Сафуанов [33] пишет, что в связи с обсуждаемыми статьями УК РФ формируются *родовое экспертное судебно-психологическое понятие "аффект"* по отношению к его разновидностям ("физиологический аффект", "кумулятивный аффект", "эмоциональное возбуждение или напряжение" и др.) и *промежуточные экспертные понятия*, описанные через общепсихологические понятия "аффект", "стресс", "фрустрация", "конфликт" и, возможно, другие.

Надо заметить, что у расширительной экспертно-психологической трактовки понятия "аффект", не совпадающей с психологической, есть

глубокий гуманистический смысл. Отождествляя эмоциональные состояния с множеством аффективных, утверждая, что они сужают сознание, эксперт способствует избеганию судебных ошибок – ведь преступления, совершаемые в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), традиционно относятся к менее опасным видам, а это влияет на определение меры наказания.

Анализ показал, что на современном этапе в психолого-правовом контексте сформировались три понятия аффекта: психологическое, юридическое и экспертно-психологическое (экспертологическое), несущие разное содержание. На наш взгляд, понятийный аппарат прежнего УК РСФСР при использовании понятий "сильное и внезапно возникшее сильное душевное волнение" был адекватен и задачам судопроизводства, и психологической теории. Идея же, по которой аффект – единственное значимое эмоциональное состояние, отраженная в статьях 107 и 113 УК 1996 г., исключает (в связи с его неконкретностью) влияние сильного душевного волнения (а значит, релевантные ему состояния) из перечня смягчающих обстоятельств вообще. Этот феномен ярко выявил: принадлежность юридической психологии *в равной мере* как психологии, так и юриспруденции [7, с. 9] – констатация желаемого, но не действительного положения дел.

5. ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Продолжая рассмотрение проблемы категориального аппарата юридической психологии, остановимся на разработке новых понятий, необходимых для практики судопроизводства.

М.М. Коченов [20] писал, что для развития процесса использования специальных психологических познаний в целях получения новых фактов требуется три условия: потребность практики судопроизводства в установлении этих фактов; наличие и достаточно высокий уровень развития той области знания, которая способна их устанавливать; допустимость с точки зрения процессуального законодательства применения в уголовном процессе знаний и методов, составляющих специальные познания в этой области. В наших работах проанализированы эти условия в отношении *юридически значимых эмоциональных состояний* [1–3].

Наше исследование юридически значимых эмоциональных состояний проходило в 1990-х гг. практически параллельно с подготовкой нового УК РФ. Анализ литературы показал, что список сильных и глубоких эмоциональных состояний, известных психологии, выглядит очень внушительно; некоторые из них рассматривались в пси-

холого-правовом контексте. Так, в русле глубокого изучения нормального и патологического аффектов [13, 19, 27, 34 и др.] и состояния агрессии [12, 28 и др.], исследователи обратились к изучению стрессового состояния [19, 22 и др.]; указывали на возможность изучения длительных, постоянно нарастающих эмоциональных переживаний [26], и конкретно – фрустрации (как в психологической [21], так и в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе [22]); тревожности в связи с криминальной патофизиологией [5] и криминальной психологией [6]; ревности как судебно-психологического и судебно-психиатрического явления [38]; психического состояния несовершеннолетней жертвы изнасилования, акцентируя значимость психических критериев беспомощного состояния [17, 21, 26 и др.].

Все эти исследования показывают, что перечень значимых для права эмоциональных состояний (переживаний) не сводится к аффекту, испытывать их может не только *обвиняемый*, но и *потерпевший*. Попытка создать не перечень, а психологическую типологию таких состояний была осуществлена нами с опорой на типологию критических ситуаций Ф.Е. Василюка [8], вызывающих состояния *невозможности* реализации субъектом разных видов внутренних *необходимостей* своей жизни. В психологическую типологию вошли *психологический* (информационный и эмоциональный) *стресс*; *аффект*, *острое горе* и *тревожность* (*беспомощность* и *безнадежность*) как проявление кризиса, состояния *ревности* и *тревожности* как конфликтные состояния; разного типа состояния *фрустрации*; а также *страсть*. Эти эмоциональные состояния влияют на самоуправление человека и могут достигать такой глубины, что снижают в пределах нормы интеллектуальные и/или волевые возможности человека. Это подтверждается не только собственной многолетней судебно-психологической экспертной практикой [1, 2, 4], но и обобщением экспертного опыта, указывающего на некоторые из этих состояний [7, 10, 15, 18, 25, 30, 32, 33 и др.]. Эти состояния были выделены, так как удалось показать возможную их характеристику как юридически значимых. Но они определялись не как “эмоциональное состояние” конкретного вида, например, “состояние напряжения, возбуждения, аффекта, фрустрации”, упоминавшиеся до настоящего времени в литературе, а как “юридически значимое эмоциональное состояние”; данное понятие было предложено в качестве экспертно-психологического. Поясним свою позицию.

Влияние аффекта, острого горя и тревожности, стресса, ревности, фрустрации, страсти в большей мере проявляется как воздействие *сильных, длительных* и, что важнее, *глубоких эмоциональных состояний*, деформирующих активность субъекта в реактивность, приводящих к за-

мещению эмоцией функциональных звеньев самоуправления и тем самым снижающих уровень его функционирования с рационального, сознательного до эмоционального, не в полной мере осознанного.

Согласно нашему подходу, “внезапно возникшее сильное душевное волнение” и “беспомощное состояние” как юридические понятия можно соотносить с кризисными эмоциональными состояниями, а именно, аффектами, острым горем и тревожностью (беспомощностью–безнадежностью) как психологическими состояниями, а “сильное душевное волнение” – с состояниями ревности, тревожности, разного типа фрустрациями, а также страстью. Такие состояния не только могут способствовать наступлению эмоционального кризиса, но и сами способны достичь глубины, приводящей к сужению сознания. Они относятся к сильному душевному волнению, т.е. характеризуются не силой взрывного характера, проявляющейся яркой выраженностью и субъективной внезапностью, а глубиной влияния на функционирование психики, приводящей к ее аффектации. Именно *глубина* эмоционального состояния является существенным признаком влияния эмоций на функционирование психики. Следовательно, феномены сильного и внезапно возникшего сильного душевного волнения не теряют своей актуальности для судопроизводства.

Установленный нами перечень эмоциональных (т.е. психологических) состояний, относящихся к юридически значимым эмоциональным состояниям, является лишь примерным и вероятным – не столько потому, что может быть уточнен последующими исследованиями, или тем, что порой на практике трудно четко идентифицировать его вид, сколько вследствие того, что юридическую значимость эмоционального состояния необходимо устанавливать в каждом конкретном экспертном случае. Ни одно из них, кроме аффекта и, по-видимому, других кризисных состояний, нельзя однозначно назвать юридически значимым, так как эти состояния могут быть *разной степени проявления*. Глубина аффективной вспышки и других кризисных состояний имеют предельную возможность сужения сознания, за границами которой начинает функционировать либо *режим бессознательного*, либо возникать патологические проявления психики (примерами являются патологический аффект и катастрофическая фрустрация). Однако лишь судебно-психологическое экспертное исследование, используя ретроспективный анализ самоуправления человека в конкретной ситуации, может доказать, являлось ли переживаемое им эмоциональное состояние юридически значимым, или, более конкретно, достигла ли эмоциональная вспышка степени аффекта. “Юридически значимое эмоциональное состояние”, как и “аффект”, является

понятием категориального аппарата юридической психологии, но охватывает весь список значимых для уголовного права переживаний, известных психологии. Следует отметить, что не всякое эмоциональное состояние как состояние психологическое может квалифицироваться экспертно-психологически как юридически значимое; также как впоследствии может не квалифицироваться юридически как сильное или внезапно возникшее сильное душевное волнение. Эти рассуждения касаются и аффекта: не всякий “психологический аффект” будет признан “юридическим аффектом”; как психологический, он может наступить, например, в результате самовзвинчивания и экзальтации.

Возможно конструктивное использование понятия “юридически значимых эмоциональных состояний” в контексте статей с юридическими понятиями, указывающими как на различные состояния обвиняемых и потерпевших, так и на критические и эмоциогенные ситуации. В действующем Уголовном кодексе РФ правоведы, используя понятия “состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)” (ст. 107, 113), “беспомощное состояние потерпевшей (потерпевшего)” (ст. 105, 131, 132), “состояние крайней необходимости” (ст. 14), предписывают учитывать как физическое, так и психическое насилие. Они отмечают также: несоответствие психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ст. 28); стечение тяжелых жизненных обстоятельств (ст. 61); возникновение длительной психотравмирующей ситуации (ст. 107, 113); условия психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающее вменяемость (ст. 106); причинение психических страданий (ст. 117); жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства (ст. 110); оскорбление, т.е. унижение чести и достоинства (ст. 130).

Таким образом, “юридически значимое эмоциональное состояние” как экспертно-психологическое или судебно-психологическое понятие не теряет своей актуальности в контексте нового законодательства; наоборот, оно может использоваться как *родовое* или наиболее обобщенное понятие. Предполагаем, что, за исключением статей 107 и 113, такое состояние может характеризоваться следующими признаками: наличием нетерпимых страданий; заметными или устойчивыми психофизиологическими изменениями; сужением сознания в режиме переживаемых эмоций.

Юридически значимое эмоциональное состояние, устанавливаемое в контексте статей 107 и 113, обязательно должно характеризоваться сужением сознания, которое приводит к снижению возможностей человека как социального субъек-

та. Важной характеристикой таких эмоциональных состояний должна являться аффектированность самоуправления, приводящая к тому, что состояние ограничило способность обвиняемого в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Предметом доказывания для эксперта-психолога (не в целом, а в соответствии с руслом нашего анализа) становится ряд фактов: 1) наличие эмоционального переживания, возникшего субъективно внезапно; 2) особенность психического самоуправления подэкспертного в исследуемой ситуации; 3) существенность снижения способности к сознательно волевому поведению; 4) наличие причинно-следственной связи между первым фактом и третьим.

Использованием понятия “юридически значимые эмоциональные состояния” можно доказать, что юридической психологии есть что предложить законодателю, чтобы *актуализировать потребность* в их установлении. Для этого следует показать содержательную наполненность этого понятия на анализе конкретных случаев.

Рассмотрим выдержки из судебно-психологических экспертных заключений, выполненных в связи с вопросом о состоянии аффекта у обвиняемых.

1. Согласно материалам дела, сорокасемилетний П. (обвиняемый по ст. 111 ч. 4 УК РФ в умышленном причинении вреда здоровью, повлекшим по неосторожности смерть потерпевшего) и О. (потерпевший) знакомы около 10 лет. Исследуемый конфликт возник из-за того, что П. не мог вовремя отдать О. деньги в сумме одна тысяча рублей. О. неоднократно приходил к П. домой, требовал у жены П. деньги. П. не понравилось, что О. приходит домой, тревожит семью, в которой были напряженные отношения в связи с материальными проблемами, — у П. не ладился бизнес. Он хотел поговорить с О. и в исследуемой ситуации вторично пришел к нему с намерением сказать, чтобы тот не ходил к нему домой, что он взрослый человек и деньги обязательно отдаст. П. пришлось разбудить О., он спал после укола героина. П. показывает, что разговор быстро перешел ко взаимным угрозам и О. говорил с ним как с пацаном, обещая поставить его на “счетчик”, на что П. ответил, что не надо ерундой заниматься и, посчитав что разговор окончен, стал уходить. О. догнал его у ворот, когда П. прошел метров 10, схватил сзади, развернул таким образом, что через голову с него снялся свитер, который сполз на глаза. П., ничего не видя, стал падать на правое колено; что-то почувствовал в руке (впоследствии предположил, что видимо это был обломок от ножниц, который он раньше видел у ворот, а теперь, падая, схватил с земли) и, выпрямившись, двумя руками оттолкнул от себя О. так, что его свитер оказался в руках у О. Со слов П., от толчка О. попятился от него. П. был возбужден (в жизни его никто пальцем не тронул), он не заметил, что в толчке он нанес удар в сердце О., так как тот закрылся свитером, еще раз сказал ему, что если он будет приходить домой, башку ему оторвет. Раздраженный и возбужденный, он сразу энергично ушел, т.к. не хотел усугублять отношения и всегда старался от неприятностей уходить.

Итак, исследуемая ситуация обладала для П. эмоциогенными свойствами, так как задевала его личное достоинство. В момент совершения преступления П. находился в состоянии эмоционального возбуждения, которое отличалось от аффекта. Аффективное действие происходит по схеме “провокация—эмоциональный взрыв—действие”, т.е. возникает

взрывным импульсом изнутри неожиданно для самого человека и обуславливает его слабо контролируемое нападение на потерпевшего. П. действовал по схеме “провокация–действия”, т.е. совершил внезапно возникшие реактивные действия, вызванные извне и сопровождаемые эмоциональным возбуждением, так как они были направлены на защиту от действий О. (сохраняя равновесие, не видя, захватил что-то с земли, после чего двумя руками оттолкнул О. как источник опасности от себя). На то, что эмоциональное возбуждение П. не достигало степени аффекта, указывают, во-первых, быстрое восстановление социально-нормативного самоуправления, проявившегося в вербальном контакте с О. сразу после того, как П. оттолкнул его от себя, в его способности оценить, что он находится в безопасности, в торможении им физических действий в отношении О. и, во-вторых, отсутствие стадии психофизиологического истощения.

Вывод. В момент совершения преступления П. находился в состоянии эмоционального возбуждения, которое отличалось от аффекта. П. в эмоциональном возбуждении совершил внезапно возникшие реактивные действия, вызванные извне действиями О., его действия были направлены на сохранение равновесия и защиту от действий О.

2. Согласно показаниям М. (сорокапятилетний обвиняемый по ст. 105 ч. 1 УК РФ в убийстве своей жены), в начале распития спиртного по случаю ноябрьского праздника Н. (потерпевшая) начала как всегда его оскорблять. Чтобы с ней не ругаться, он ушел в летний домик и стал красить дверной косяк. Вскоре в домик пришла Н. и стала кричать на него и требовать деньги на подарок ко дню рождения, который будет нескоро. Когда М. стал ее успокаивать, она стала нецензурно браниться, оскорблять его жаргонными выражениями. М. подошел к ней, когда она села за стол и стала чертить ножом, как ручкой, по столу. Он попросил ее замолчать, наклонился к ней, облокотился на стол на локти, после чего, с его слов, она плюнула ему в лицо и засмеялась, обнажив “фикусы”, отчего улыбка получилась ехидной. М. это задело: “я за ней ходил, ходил, а для нее это ничто”. Дальнейшее, как он объясняет, произошло как в тумане, как в замедленном кино показывают: он вытащил из ее руки ножик и приставил к ее груди; как получилось, что нож воткнулся в нее, объяснить не может. Помнит, как приставил нож, как она сразу положила на нож руку, как и куда она отбросила нож после удара. Из показаний М.: “Убивать Н. я не хотел. Мне хотелось ее просто погугать, хотел только задеть ей кожу. Как получилось, что я глубоко воткнул ей нож, я не могу объяснить. Мне казалось, что я воткнул в нее нож на 2–3 мм, чтобы погугать и наказать за нанесенное мне оскорбление. Я не почувствовал, как лезвие ножа вошло в ее тело. Она еще дернулась, ухватила меня за руку, которой я держал нож. Я ручку ножа сразу выпустил, и Н. сама взяла нож и вытащила из себя, бросила его на стол. Стала еще больше на меня кричать и материться”. Когда Н. стало плохо от полученного ранения, М. подумал, что она притворяется. После того, как Н. увезли в больницу, М. стал плакать на кухне, говорить, “что он натворил”.

Вывод. Эмоциональное состояние, в котором находился М. в момент совершения преступления, не является физиологическим аффектом. М. пребывал в эмоциональном возбуждении, которое существенно повлияло на его сознание и деятельность, а именно: способствовало принятию импульсивно-эмоционального решения использовать нож как аргумент в конфликте, что привело к неспособности в полной мере регулировать мышечное напряжение в руке с ножом.

3. Как следует из материалов дела, накануне вечером около 22 часов и в 4 утра С. (потерпевший) дома употреблял спиртное. Его падчерица, семнадцатилетняя Н. (обвиняемая по ст. 113 УК РФ), накануне работала во второй половине дня на вокзале, торгуя у поездов, вечером была с другом в ресторане, ночь провела у него на работе, спала около 3–4 часов. В 9 часов утра она пришла домой и пила чай, собираясь лечь выспаться. Она попросила у матери ею заработанные деньги, чтобы купить себе золотое украшение. Отчим С. стал ее оскорблять, называл шлюхой, хотел ударить кон-

сервным ножом. Мать Н. его отобрала и сказала, что пошла вызывать милицию, после чего С. догнал ее и сбил с ног. Когда Н., чтобы не участвовать в конфликте, пошла курить в ванную комнату, С. ударил ее головой в нос, высказывал угрозы, что зарежет обеих. Покутив, Н. хотела пройти в свою комнату, С. стал размахивать перед ее лицом ножом. Мать Н. не успела заметить, как Н. выхватила нож и нанесла удар.

Как следует из показаний Н., “мы с мамой пытались его удерживать. Я сильно разволновалась, я не помню, как я забрала у него нож и как его порезала, я в себя пришла, когда это все случилось. Я не помню, как я наносила удар, т.к. была сильно взволнованна, и когда я увидела у себя на руке кровь и нож, я заплакала и опустила на колени, я говорила маме, что не хотела этого делать. Я сказала, что ему необходимо оказать медицинскую помощь и вызвать скорую. Я не могла встать с пола, я пыталась, но у меня ноги были как ватные”.

Эмоциональное состояние Н. может быть идентифицировано с аффектом: оно характеризуется, во-первых, выраженной трехфазностью (нагнетание напряжения, взрыв, психофизиологическое истощение); во-вторых, субъективной неожиданностью возникновения эмоционального взрыва; в-третьих, сужением сознания (фрагментарность восприятия, амнезия), при котором понимание действительности, осознание значения своих действий и их регуляция (не может сказать, как это произошло, все произошло мгновенно) проявлялись не в полной мере из-за влияния эмоционального состояния на сознательное самоуправление.

Вывод. Н. в момент совершения преступления находилась в состоянии аффекта.

Анализируемые случаи являются примерами разнообразия психологического материала, во-первых, для юридической квалификации деяния с внезапно возникшим или аффектированным умыслом, во-вторых, для исследования и оценки субъективной стороны преступления в целом.

Итак, юридически значимое эмоциональное состояние характеризуется не столько целостностью и своеобразием в зависимости от его вида (стресс, тревожность, острое горе, фрустрация и др., либо эмоциональное напряжение и возбуждение), сколько своим влиянием на личность, приводящим к снижению ее возможности быть субъектом социальных отношений. Используя предложенную Ф.Е. Василюком [9] модель режимов функционирования психики, можно прийти к выводу: это состояние возникает при функционировании психики, в котором доминирует не режим сознания, а режим переживания.

Таким образом, юридически значимое эмоциональное состояние – это *состояние, приводящее к страдательности положения переживающего человека, поскольку у него снижается проявление социальной субъектности (субъектности личности), что выражается в снижении уровня отражения и регуляции, так как режимы сознания и, тем более, рефлексии не функционируют полноценно*. Данное влияние выражается также и спецификой взаимосвязи функций отражения и регуляции: нарушением единства сознания и деятельности и/или целостности деятельности. Такое состояние в своих крайних вариантах проявляется либо в виде пассивной созерцательности переживающего человека, либо чрезмерной

неупорядоченной активности, т.е. в виде аффективного взрыва, как “срыва” процесса сознательного самоуправления; оно может проявляться глобально, деформируя все звенья сознательного самоуправления, т.е. кризисно, а также локально, при “сбое” в любом звене функционирования сознательного самоуправления (одном или нескольких).

Таким образом, важной характеристикой как аффекта, так и других юридически значимых эмоциональных состояний в рассматриваемом контексте является невозможность личности (как социального субъекта) в полной мере осуществить сознательное самоуправление. Оно происходит при проявлении способностей, которые обозначены нами как “*субъектные способности личности*”, а в судебно-психологическом экспертном контексте как “*социальные субъектные способности, имеющие юридическое значение*” [4]. Это понятие образуется при наложении юридического содержания понятия “осознание фактического характера и общественной опасности своих действий и руководство ими” на общепсихологическое содержание понятия “способность”. В результате образуется не одна, а три способности: правильно понимать действительность; осознавать себя и значение своих действий; руководить собой.

Социальные субъектные способности позволяют соотносить способность субъекта к осознанно волевому поведению с различными юридическими критериями, содержащимися в уголовном законодательстве. Содержательная характеристика этих способностей в связи с их важностью как для судебно-психологического, так и для судебно-психиатрического экспертных исследований – предмет специального обсуждения.

6. ВОЗМОЖНОСТЬ ОБОГАЩЕНИЯ ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Обобщение теоретических данных и эмпирического материала в русле проведения СПЭ дают основание для понимания механизма эмоциональной регуляции как актуального и для общепсихологической теории. Если эмоция замещает рациональные компоненты в каждом функциональном звене самоуправления, возникает известный психологии особый вид регуляции – эмоциональный. По-видимому, именно так происходит переход функционирования психики в режим переживания, где не субъект проявляет эмоции, а они владеют им.

Используя модель основных этапов процесса произвольной саморегуляции [16], можно представить участие эмоций в разных функциональных звеньях самоуправления на этапах:

1) принятия субъектом цели деятельности – переживанием потребностного состояния;

2) построения субъективной модели значимых внутренних и внешних условий активности – эмоциональным сигналом и оценкой своих возможностей, ценностей, платежей; а также – эмоциональной предвзятостью понимания действительности вплоть до замены ее рациональной модели состоянием переживания;

3) формирования программы исполнительских действий – отказом от цели либо нерациональным принятием одного из параметров двойственной цели (снять напряжение, избавиться от функционального дискомфорта); а также – в досознательном принятии решения об энергетике и динамике действия, о времени его начала и собственно инициации без предварительного программирования;

4) создания системы субъективных критериев успешности достижения цели, которыми являются знак, сила, продолжительность, глубина эмоции;

5) получения информации о результатах – в конкуренции отражения эмоционального состояния с отражением текущих и достигнутых результатов;

6) осуществления контроля и оценки полученных результатов – неэффективностью контроля, так как это рефлексивное образование, возможности которого снижены; а также потому, что эталон и результат недостаточно рациональны и сравнение происходит на уровне операции; часто вообще сравниваются эмоциональные показатели и как цель (эталон), и как результат;

7) принятия решения о коррекции системы саморегулирования в любом звене – отсутствием принятия решения о коррекции, так как контролем не зафиксировано расхождение результата и цели: либо это расхождение не актуализировано как значимое, либо у субъекта нет возможности перевести регуляцию в разряд волевой.

Анализ возможности участия эмоций в каждом функциональном звене самоуправления согласуется с психологическими и психофизиологическими исследованиями, в которых выделялись самые разнообразные функции эмоций: побудительная, сигнальная (оценочная), энергообеспечивающая, интегрирующая, слепообразующая, предвосхищающая, эвристическая и т.п. Стоит отметить и такой факт: необходимость разделения функции контроля и оценки и выделения оценки как отдельного функционального звена или этапа в проявлении психического самоуправления.

Механизм влияния эмоции как состояния обусловлен возможностями функционирования психики с доминированием режима переживания: состояние снижает субъектность лица, не только

делает помехи в канале восприятия, но и затормаживает умственную деятельность в целом, затрудняет проявление полноценной произвольной активности, а также активности с психической деятельностью, т.е. рефлексии и воли, сводя проявление личности к регрессивным, реактивным (эмоциональным и/или двигательным) способам. В то же время требования "простой" социальной ситуации к человеку выражаются в возможности проявления им сознательности, осмысленности и произвольности его поведения. Если же социальная ситуация "сложная", т.е. критическая, требуется рефлексия и воля, как минимум, чтобы не дать развиться реактивности, и, как максимум, рефлексия, воля, творчество – для выхода из затруднительного (критического) положения.

Итак, рассмотрение особенностей междисциплинарного взаимодействия психологии и уголовного права показывает, что на юридическую психологию, занимающуюся психолого-правовой проблематикой, на современном этапе возлагаются решения не только практических задач, но и развитие теоретической и методологической основы адекватного использования психологических знаний в судопроизводстве и законотворчестве. От уровня этих разработок будет зависеть включенность или выпадение из поля внимания правоведов юридически значимых психических феноменов, а для отдельного человека, включенного в судопроизводство, правильность касающихся его юридических вердиктов.

ВЫВОДЫ

1. Юридическая психология не станет полноценным связывающим звеном между психологией и правом, считаясь вспомогательной и второстепенной для права наукой, если не будет развивать теоретические проблемы в конкретно-научном и междисциплинарном аспектах, актуальные как в правоприменительной, так и законотворческой деятельности. Предпосылками для этого в судебно-психологической экспертологии являются: дифференцирование ее предмета исследования, разработка собственного категориального аппарата, включающего новые понятия, необходимые для практики судопроизводства, соотношения содержания правовых и психологических категорий. В настоящее время необходим контроль участия и использования психологии в законотворчестве, поскольку формируется следующее впечатление от применения психологических знаний: берутся на вооружение современные разработки и терминология, но не дифференцируются правовые и психологические понятия, не используются системные знания.

2. Методология конструирования экспертно-психологических понятий осуществляется через

их специфическое наполнение при наложении на психологическую реальность законодательного контекста. Именно этим обусловлено введение нами понятий "юридически значимые эмоциональные состояния", "юридически значимые способности", подчеркивающих, что юридическая психология изучает психические проявления человека лишь в ситуациях с правовым контекстом. Понятие "юридически значимая способность" актуально для оценки юридически релевантных возможностей обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Использование понятия "юридически значимое эмоциональное состояние" может оказаться конструктивным в контексте двенадцати статей УК РФ, в содержании которых указывается как на различные состояния обвиняемых и потерпевших, так и на критические и эмоциогенные ситуации. Но в соответствии с различными юридическими критериями, содержащимися в уголовном законодательстве, такие состояния и способности могут характеризовать разные существенные признаки.

3. Введенное в новом УК РФ понятие "аффект" вносит путаницу. В психолого-правовом контексте в настоящее время существуют три различных по содержанию понятия аффекта: психологическое, юридическое и судебно-психологическое (экспертологическое). Понятийный аппарат прежнего УК РСФСР при использовании понятий "сильное и внезапно возникшее сильное душевное волнение" был более адекватным для междисциплинарного соотношения. "Внезапно возникшее сильное душевное волнение" и "беспомощное состояние" как юридические понятия можно соотносить с аффектами, острым горем и тревожностью (беспомощностью–безнадежностью), а "сильное душевное волнение" – с состояниями ревности, тревожности, разного типа фрустрациями, а также страстью. Однако лишь судебно-психологическое экспертное исследование, используя ретроспективный анализ самоуправления человека в конкретной ситуации, может доказать существенность влияния на него любого переживаемого состояния, в том числе достижение переживанием степени аффекта, т.е. установив, являлось ли переживаемое эмоциональное состояние юридически значимым. "Юридически значимое эмоциональное состояние" является наиболее обобщенным понятием категориального аппарата судебно-психологической экспертологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Л.В. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1996.
2. Алексеева Л.В. Проблема юридически значимых эмоциональных состояний. Тюмень, 1997.

3. *Алексеева Л.В.* Психология эмоций и право: прикладные и фундаментальные аспекты сотрудничества // Вестник Тюменского государственного университета. 1999. № 4. С. 120–128.
4. *Алексеева Л.В.* Практикум по судебно-психологической экспертизе. Тюмень, 1999.
5. *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Криминальная патопсихология. М., 1991.
6. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996.
7. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. СПб., 2000.
8. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
9. *Василюк Ф.Е.* Уровни построения переживания и методы психологической науки // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 27–37.
10. *Енгальцев В.Ф., Шипшин С.С.* Судебно-психологическая экспертиза. Калуга-Обнинск-Москва, 1996.
11. *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии. М., 1996.
12. *Ениколопов С.Н.* Некоторые результаты исследования агрессии // Личность преступника как объект психологического исследования / Под ред. А.Р. Ратинова. М., 1979. С. 100–109.
13. *Калашиник Я.М.* Судебная психиатрия. М., 1961.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996.
15. *Конева Е.В., Орел В.Е.* Судебно-психологическая экспертиза. Ярославль, 1998.
16. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
17. *Коньшева Л.П.* Судебно-психологическая экспертиза психического состояния несовершеннолетней жертвы изнасилования: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1988.
18. *Коптев С.Л.* Практикум по судебной психологии. Ижевск, 1999.
19. *Коченов М.М.* Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977.
20. *Коченов М.М.* Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Дис. ... докт. психол. наук. М., 1991.
21. *Коченов М.М., Мельник В.В., Романов В.В.* Судебно-психологическая экспертиза в практике органов военной юстиции. М., 1982.
22. *Кудрявцев И.А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988.
23. *Лебедев В., Демидов В.* Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 г. "О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних" // Российская газета. 14 марта 2000 г. С. 6.
24. *Метелица Ю.Л., Шишков С.Н.* Объекты судебно-психиатрической экспертизы // Современное состояние и перспективы развития новых видов судебной экспертизы. М., 1987. С. 143–153.
25. *Нагаев В.В.* Основы судебно-психологической экспертизы. М., 2000.
26. *Нор В.Т., Костицкий М.В.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. Киев, 1985.
27. *Печерникова Т.П., Гульдан В.В.* Актуальные вопросы комплексной психолого-психиатрической экспертизы // Психол. журн. 1985. № 1. С. 96–104.
28. *Ратинов А.Р.* Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 3–33.
29. *Ратинов А.Р.* Судебная психология как наука // Юридическая психология: Хрестоматия / Сост. В.В. Романов, Е.В. Романова. М., 2000. С. 9–32.
30. *Романов В.В.* Юридическая психология. М., 1998.
31. *Сафуанов Ф.С.* Об основных категориях судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе // Психол. журн. 1994. № 3. С. 50–54.
32. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998.
33. *Сафуанов Ф.С.* Аффект: судебно-психологический экспертологический анализ // Психол. журн. 2001. № 3. С. 15–25.
34. *Ситковская О.Д.* Судебно-психологическая экспертиза аффекта. М., 1983.
35. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности. М., 1998.
36. *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999.
37. *Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М.* Новые направления судебно-психологической экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2000.
38. *Терентьев Е.И.* Бред ревности. М., 1990.
39. *Шишков С.Н.* Предмет судебной психиатрии // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 31–38.
40. *Шишков С.Н.* Правомерен ли вопрос экспертам о несоответствии обвиняемого своему возрасту // Законность. 1999. № 9. С. 27–30.

RELATIONS OF PSYCHOLOGY AND CRIMINAL LAW IN EXPERT JUDGMENTS

L. V. Alekseeva

Cand. sci. (psychology), docent of the chair of general and social psychology, State University of Tumen

On the example of judicial-psychological expertise there are emphasized the importance of scientific autonomy of juridical psychology (its ability to enrich the theory of general psychology) and adequacy to apply its elaborations in lawmaking. The mechanism of emotional regulation is proposed and the articles of previous and new criminal codes related to "emotional crimes" are analyzed. There are also considered the relations of juridical, psychological and expert psychological terms such as "strong and sudden emotion", "affect", "emotional state", "emotional state with juridical significance"; the term "ability of juridical significance" is advanced. The conclusion is made that the "emotional state with juridical significance" is the extremely generalized notion of judicial-psychological expertise and it has special sets of essential notes in different law contexts.

Key words: psychologically-judicial context, theory of juridical psychology, judicial-psychological expertise, affect, emotional states with juridical significance.